

Советская Музыка

ОРГАН СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР И МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

Двадцать девятый год издания

В НОМЕРЕ:

О. Фельцман

«СЛУЖИ, СОЛДАТ!»

ИЗ ВОЕННОЙ ЛЕТОПИСИ

М. Ройтерштейн

УТВЕРЖДЕНИЕ СВЕТА

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

С. Лемешев

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

А. Гольденвейзер

СОВЕТЫ МАСТЕРА

Д. Житомирский

«ВОЕННЫЙ РЕКВИЕМ» БРИТТЕНА

К 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

5

отдыха фавна» Дебюсси (соло флейты — Д. Веда). Огромное впечатление произвела интерпретация Третьей симфонии Онеггера (в особенности финал с его истощающим фортиссимо — здесь во всей полноте проявились выдающиеся качества медной группы).

Очень интересным, драматургически убедительным показалось исполнение Пятой симфонии Чайковского. Отметим, в частности, что две последние части следовали друг за другом почти без перерыва, отчетливо грандиозный финал весь как бы вырос из только что прозвучавшей (в конце вальса) темы вступления. Покорила глубина мысли и эмоциональная наполненность. Зна-

менитое соло валторны поэтично и в то же время просто и строго играл В. Буяновский.

Что же касается Шестой симфонии Д. Шостаковича, то ее исполнение можно назвать эталоном. Глубочайшее проникновение в замысел композитора и редкостная артистическая свобода в его воссоздании. Предельное мастерство. Среди артистов оркестра отметим флейтистку А. Вавилину и литавриста А. Иванова.

Четыре программы и щедрые «бисы», которых с лихвой хватило бы на добрую пятую программу, — какое увлекательное путешествие в мир музыки!

Евг. Рацер

тельной песне «Флюгер», звучат на мощном крещендо обличающие слова: «Ах, что для вас мои мученья! Богаты вы и ваша дочка!..» В интонациях голоса, в активном подчеркивании ритма мы слышим голос бунтаря, бросающего обвинения в лицо врагам. Но и там, где нет столкновений, артист видит своего одинокого героя измученным, но не сломленным. Его силу мы ощущаем в песнях «Отдых», «Липа», «Водрость», «Седины» и во многих других. И это в произведении, в котором чувство тоски и безысходности нарастает почти непрерывно!

Гмыря верно почувствовал, что, несмотря на весь драматизм «Зимнего пути», внешне проявления этой настроенности цикла очень скупы. Композитор не дает ярких эмоциональных контрастов (как в «Прекрасной мельничихе»), музыка лишена аффектации. Лаконичность и строгость музыкально-выразительных средств определяли исполнительское решение. Интерпретация Гмыря — это глубокое постижение внутреннего драматизма, раскрытие целого мира переживаний. Простота декламационной манеры певца такова, что возникает ощущение: иначе чем Гмыря и не скажешь. Сохраняя певучую вокальную линию, он словно беседует со слушателями, раскрывая свою душу. Именно так прозвучали «Весенний сон», «Шарманщик».

Гмыря избегает частой акцентировки многих деталей. Поэтому интонационное подчеркивание какого-то отдельного слова приобретает огромную значительность. Послушайте кульминационные фразы в песнях «Одиночество», «Почта», «Путевой столб». Певец наполняет их такой неповторимостью переживания, что каждая из них становится «скульптурной» вершиной произведения. «Так жалок я!» — слышим мы в финале песни «Одиночество», и в интонационно усиленном слове «жалок» — вся жизнь, вся трагедия человека, осознавшего себя отчужденным от мира...

Чаще всего артист внешне неподвижен. И только в кульминационных моментах один скупой жест. Но сколько в нем выразительности, как глубоко он раскрывает смысл песни, как точно бьет в цель! Ведь в рассказе о шарманщике певец позволяет себе нарушить статичность поэмы только на фразе-обращении: «Знаешь ли что, старый...» — когда от повествования о старике-нищем он переходит к самому главному — к безнадежно-

«Зимний путь»

Концерт начался необычно. Борис Романович Гмыря обратился к публике, собравшейся в Большом зале консерватории с просьбой: «Для сохранения цельности впечатления я прошу не аплодировать между отдельными номерами». Наступила тишина, и зазвучал «Зимний путь» — одно из последних творений Шуберта...

Много лет прошло с тех пор, как Гмыря впервые с большим увлечением работал над этим циклом и записал его на пластинку. Нозыскательный художник не удовлетворился достигнутым и забрковал запись. Год назад вместе с чутким партнером пианистом Львом Остриным он вернулся к любимому произведению. Хотелось, чтобы образы Шуберта вызвали больше жизненных чувств, хотелось большей правды переживания. Год поисков, раздумий, совершенствования найденного... И вот на суд слушателей вынесена новая работа.

До Москвы Гмыря спел шубертовский цикл в восьми городах. Казалось бы, труд завершен. Но певец говорит: труд только начался. Сейчас в его передаче появляются новые черты, они часто возникают на эстраде, в минуты творческого подъема, в общении с публикой. Перед мысленным взором артиста всегда тот идеал исполнения, к которому он стремится.

Всегда хочется сделать что-то еще. Но нынешняя интерпретация все-таки ближе к истине, думает Гмыря. И он решил снова записать цикл. Любителей музыки, которые его услышат, ждет большая радость. В этом убедил нас вечер в Большом зале консерватории.

Каков же он, этот герой шубертовских песен? Слушая Гмыря, ощущаешь прежде всего благородство и мужество человека сильного, чьи страдания представляются как столкновение, борьба с чуждым и враждебным миром. Интонация протеста есть во многих песнях цикла, и артист неустанно ищет разнообразие красок и звучностей, деталей и оттенков. Уже в самом начале, в замеча-

сти судьбы героя, к финалу его «Зимнего пути».

Откуда же эта выразительная точность слова, интонации, акцента, динамики, жеста? Обратимся к музыке, к ее внутреннему пульсу — и мы пойдем источник творческой удачи Гмыри. В музыке Шуберта он услышал движение мысли и чувства. Движение это непрерывно и всегда устремлено вперед. Это делает общение артиста с публикой напряженным и захватывающе интересным. Увлеченный музыкальным потоком, слушатель не успел восхититься разнообразием повторов, которым великолепно владеет Гмыря, а артист ведет его дальше. Концентрация этого движения порой необыкновенно сильна. Вот вы вздохнули вместе с певцом перед «Бурным утром», а когда песня кончилась, вам показалось, что все это время вы не дышали: ваше воображение спешило за героем, внимание было приковано к развитию музыкальной драматургии.

Развитие это подчеркивается ясностью и завершенностью фразировки. Гмыря подает каждую фразу выпукло и четко: всегда ощущаешь благородство и логичность каждого периода, как бы участвуешь в его развертывании. И оказывается, может петь пауза, каждый изгиб ритма...

В исполнении было много раз-

нообразных деталей, воспринимаемых нами как нечто само собой разумеющееся. Легко звучат флированные длинные ноты («Липа»), красивы и содержательны портamento («Водный поток»), виртуозные форшлаги и морденты («У ручья»), великолепно кантилена на фоне прозрачной фортепианной фактуры («Ворон») и т. д.

...Когда вдумываешься в эту исполнительскую щедрость, когда понимаешь, что главное достоинство интерпретации Гмыри — это правдивость переживания, приходит мысль и о том, что певец продолжает славные традиции русского реализма в советском исполнительском искусстве. Гмыря вспоминает эпизод своей творческой биографии, когда он участвовал во Всесоюзном конкурсе вокалистов. На втором туре, после исполнения «Шарманчика», к нему в артистическую пришла Зоя Петровна Лодий. Она поздравила молодого певца и сказала, что услышала у него то, к чему сама стремилась, исполняя гениальную песню Шуберта. Знаменательная встреча двух поколений!

Борис Романович Гмыря сегодня образец для молодых вокалистов, вступающих в жизнь. Его «Зимний путь» вдохновит не одного из них.

А. Туманов